

В начале тридцатых годов Ленинград был завален дешевой дореволюционной литературой. Она продавалась всюду: в книжных магазинах, на ежегодных книжных ярмарках, которые устраивались на улице Софьи Перовской (Большой Конюшенной), на книжных уличных развалах прямо на вес на килограммы: одна кучка по 10 копеек, другая - по 15, третья - по 20. Я сэкономил на школьных завтраках и покупал самые разнообразные книги по истории. Вот тогда я впервые познакомился с трудами Евгения Викторовича Тарле. Помню, что на меня особо сильное впечатление произвела его яркая биография ирландского революционера Пернеля...

С огромным интересом я читал случайно купленную в магазине ОГИЗа его монографию «Европа в эпоху империализма». И мне было больно узнать, что еще в начале 1930 г. Тарле был арестован и сослан в Алма-Ату. И я жалел, что мне вряд ли когда-нибудь удастся посетить его яркие лекции, о которых уже тогда ходили легенды.

Навсегда я запомнил тот день, когда мой сокурсник Игорь Павлович Шаскольский подвел меня к окну 12-й аудитории истфака Ленинградского университета и указал на пожилого человека, идущего с палкой от здания Биржи в сторону нашего истфака. Игорь спросил меня: «А знаешь ли, кто идет к нам?». Я, естественно, дать ответа не смог. И тогда он торжественно сказал: «Сам Тарле!» И вскоре, ко всеобщей нашей радости, было объявлено, что Тарле начнет читать на истфаке курс по истории русской внешней политики начала XIX в. На его лекции повалил народ с самых различных факультетов. Приходилось заранее занимать удобные места. Впечатление от лекций было огромное. Нам, юнцам, было особенно приятно, что Евгений Викторович любил рассказывать забавные исторические анекдоты. Уже вскоре я стал записывать их на библестечных карточках. Некоторые из этих карточек чудом сохранились у меня до наших дней, хотя с тех пор прошло более шестидесяти лет. Некоторые из них принесли мне немалую практическую пользу в моей работе экскурсовода в Гатчинском дворце-музее.

Работая в комнатах Николая I, Александра II и Александра III, я начал усиленно изучать эпоху Крымской войны. В угловом кабинете Николая I мы обычно подробно рассказывали, как он с восторгом прослушал рассказ прибывшего с Камчатки Дмитрия Максудова о победе в Петропавловске-Камчатском осенью 1854 г. Тогда-то я стал внимательно читать всю литературу о Петропавловском бое, что мне и позволило впоследствии - в 1979 г. и в 1988 г. - выпустить на Камчатке два документальных сборника, посвященных обороне Петропавловска 1854 г.

В 1939 г. я учился на третьем курсе истфака. Неожиданно куратором моей группы стал ученик Евгения Викторовича - Марк Моисеевич Малкин, который как раз в эти годы издавал свою кандидатскую диссертацию «Гражданская война в США и царская Россия». Он сообщил, что будет читать желающим спецкурсы по истории русско-американских отношений XVIII - XIX вв. и на эту же тему будет проводить семинарские занятия. И я решил, что для этого семинара займусь темой «Русско-американские отношения в годы Крымской войны». Малкин одобрил эту тему, и я стал с энтузиазмом над ней работать. Прежде всего я тщательно изучил статью «Русско-американские отношения в годы Крымской войны» известного американского историка Френка Голдера и затем стал в публичной библиотеке увлеченно читать русские газеты времен Крымской войны.

Как раз в это время на факультете был объявлен конкурс на лучшую научную студенческую

работу. Малкин посоветовал мне участвовать в этом конкурсе. И я стал работать еще напряженнее. На истфаке мне выделили машинистку с правом печатать 75 страниц, которые были переданы жюри конкурса. Малкин дал свой отзыв, и для меня оказалось полной неожиданностью, когда моя работа, посвященная частному вопросу, получила первую премию. Вскоре кафедра истории нового времени приняла решение о выдвижении моем в аспирантуру. Но больше всего я был обрадован, когда доцент Ида Григорьевна Гуткина сообщила мне, что с моей работой захотел познакомиться сам Евгений Викторович, который в это время уже интенсивно работал над монографией «Крымская война». Я передал ей один экземпляр, и днем 11 апреля 1941 г. Евгений Викторович пригласил меня на свою квартиру (Дворцовая набережная, 30, кв. 4). Там уже была И. Г. Гуткина, которая и представила меня Ев-

сил как малореальную. Стал судорожно готовить шпаргалки (было такое!). Так продолжалось до полдвенадцатого, когда из окна соседнего дома я вдруг услышал звук метронома. Это сразу же меня встревожило, и я включил радиоточку. Метроном продолжал звучать, пока не раздался знакомый голос диктора Левитана: «Внимание, внимание! Работают все станции Советского Союза. Через несколько минут будет передано важное сообщение». Сразу в сердце защемило. Но шли минуты. Метроном продолжал тревожно звучать, и после небольшого пауза вновь прозвучало предупреждение о важном сообщении. Наконец, в 12 часов 15 минут я услышал голос Молотова: «Сегодня в 4 часа утра...». И так, война! Тут уже было не до подготовки к экзамену. Как в тумане я бегу на факультет.

Прекрасная погода и почти пустые улицы. Только у входа Библиотеки Академии наук наталки-

это и случилось менее через год он умер от голода. Мне вручают билет и слушают мой ответ рассеяно и нетерпеливо. Выхожу в коридор, где меня ожидает комендант здания и вручает пачку повесток — сотрудников университета срочно зовут прийти на работу. Бегу по адресам — все на Васильевском острове.

Вечером объявляют первую боевую тревогу. Зенитки бьют вверх. Падают осколки, но, к счастью, пока без бомб. Звоню Гуткиной. Она сообщает, что Евгению Викторовичу заказали сразу несколько статей. Уже через сутки читаю первую его патристическую статью, кажется, в газете «Известия». Затем появляется его первая небольшая патристическая брошюра. В течение войны я нередко читал статьи Евгения Викторовича в газетах. Из них я узнал, что он жил некоторое время в Казани, а потом стал ездить по различным городам

Одного из них я назначил помощником, передал ему взвод, а сам встал в разных взводах проводить занятия по материальной части отечественных и немецких пулеметов. Вместе с тем, порою по поручению политотдела, я читал лекции по истории русской боевой славы. Еще до поступления в армию я составил блокнот, в котором я делал записи по русской военной истории. Его я использовал при написании газетных статей по истории героического прошлого наших Вооруженных Сил. В блокноте были конспекты лекций по истории Семилетней войны с историей занятия Берлина, истории Бородинского сражения 1812 г. и разгрома Наполеона, с историей обороны Севастополя и Петропавловска-Камчатского во время Крымской войны и другими данными, нередко из трудов Евгения Викторовича. Мои беседы очень нравились политработникам, которые хотели меня принять в партию.

бития нашей дивизии. Насеоружили в эшелон, и мы воображали, что нас везут в Иран. Но вместо этого мы попали в Дагестан, в район города Буйнакска. Там неожиданно пришел приказ прислать в Тбилиси 30 командиров, и я попал в эту группу. С ними был переведен в 37 кавалерийскую армию генерала Кириченко. Так я снова оказался в Грозном, откуда опять в качестве командира взвода послан был в Малгобек. Но мое участие в обороне Кавказа продолжалось всего два месяца, когда я угодили в госпиталь Грозного, откуда меня привезли в Баку, а оттуда в среднеазиатский Карши. Для поправки здоровья мне предоставили месячный отпуск с выездом на Урал, где я, как ограничено годный, стал сотрудником Сталинского райвоенкомата города Свердловска. В январе 1944 г. меня перевели в запас, и я стал преподавателем истории в только что там возникшей музыкальной десятилет-

от меня об уже произошедших событиях, он любил делать «прогнозы», которые сбывались уже на следующий день. В те времена международные известия, как правило, опаздывали примерно на сутки. Так Тарле укрепил свою репутацию прорицателя.

Иногда Евгений Викторович приглашал меня на свою квартиру, где он расспрашивал меня более подробно. Так бывало, например, в мае 1948 г. в дни становления государства Израиль.

Иногда я расспрашивал о его прошлом. Я рассказал ему, какие ходят слухи о нем, и просил его прокомментировать те или иные версии. Так, я ему рассказал о том, как студенты высмеивали членов кафедры истории нового времени, когда там проходило обсуждение книги Тарле «Наполеон». После появления острой критики этой книги в газетах «Правда» и «Известия» 10 мая 1937 г. служившие сотрудники кафедры начали книгу обливать грязью, но Тарле якобы в конце заседания поблагодарил всех выступавших за их конструктивную критику и тут же заметил, что все-таки один читатель не разделяет вашу негативную критику: мне сообщил об этом секретарь Сталина товарищ Поскребышев: его «шеф» читал книгу с большим удовольствием». После чего собравшиеся предпочли тихо завершить заседание, так и не приняв заранее заготовленную «гневною резолюцию». Евгений Викторович посмеялся и рассказал, как было «на самом деле».

10 июня 1937 г., когда в газетах «Правда» и «Известия» появились антитарлевские заметки, он находился за городом и ничего о них не знал, а когда на следующий день вернулся в город, раздался телефонный звонок. К нему действительно позвонил Поскребышев, который от имени своего «шефа» попросил Тарле не придавать особого значения газетным публикациям, потому что завтра будет опубликовано опровержение. После этого Тарле отправился на истфака, где часть его знакомых побоялась с ним поздравиться. На следующий день было назначено обсуждение «Наполеона» на кафедре, но это обсуждение не состоялось, потому что уже утром все на истфаке узнали о «новых публикациях». И Тарле добавил, что эта история позволила ему узнать, кто чем дышит, и помогла распознать истинное лицо каждого из членов кафедры.

Воспользовавшись хорошим настроением Евгения Викторовича, я попросил его рассказать, как он работал над главой, посвященной истории обороны Петропавловска-Камчатского в 1854 г. Он сообщил мне, что для него особую пользу принесли, во-первых, воспоминания Николая Фесуна, которые только в XX в. были переданы отечественным академическим историкам от известного математика и астронома Сергея Глазенапа, и, во-вторых, статья французского офицера Эдмонда дю-Ани «Тихоокеанская кампания. Петропавловская экспедиция» в журнале «Обозрение двух миров» (Revue des deux Mondes, 1858, vol XVI, pp. 686 - 716). О втором французском источнике он писал: «Эти воспоминания необычайно важны и прямо незаменимы вследствие правдивости и беспристрастности, никаких признаков обычного у французских офицеров-мемуаристов хвастовства, самопревозношения и клеветнических измышлений против неприятеля». Именно поэтому эта статья была охотно переведена в России тем же Николаем Фесуном. Тарле постоянно восхищался блестящей победой русского оружия в Петропавловске-Камчатском. И поэтому он и назвал эту победу «лучом света», который вдруг прорвался «сквозь мрачные тучи». Именно поэтому оба этих материала я решил включить в мой сборник документов по обороне, изданный на Камчатке еще в 1979 г. году.

В 1950-х годах руководители Ленинградского обкома партии стали срывать публичные выступления Е. В. Тарле, и он был вынужден переехать в Москву, где вскоре умер в 80 лет.

Б. П. Полевой МОИ ВСТРЕЧИ С ИСТОРИКОМ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОБОРОНЫ АКАДЕМИКОМ Е. В. ТАРЛЕ

гению Викторовичу. Сделав несколько комплиментов в мой адрес, он кратко рассказал о своей монографии и добавил, что он вообще не будет касаться русско-американских отношений в годы Крымской войны, но ему все-таки важно было иметь представление о том, как в годы Крымской войны складывались русско-американские отношения. Но он обязательно подробно расскажет о блестящей обороне Петропавловска-Камчатке в конце августа 1854 г. Я ему сообщил, как в Гатчинском дворце мы привыкли рассказывать о приезде в Гатчину Дмитрия Максудова.

Спустя месяц, в начале мая 1941 г., я был призван в военкомат, и в течение трех дней меня осматривали врачи призывной комиссии, которая признала меня по состоянию здоровья «нестроевым». В моих легких оказалось затемнение. Сам факт досрочного призыва серьезно встревожил моих сокурсников. Многие из них были уверены, что в ближайшем будущем гитлеровская Германия совершит вероломное нападение на нашу страну. И только спрашивали друг друга, успеем ли мы закончить университет или нет.

В начале июня, уже во время госэкзаменов, наших студентов, работавших санитарками во время советско-финской войны в госпитале, размещенном в больнице Отто, вдруг срочно вызвали на дежурство. Там вновь разворачивался госпиталь. Этот факт убедил нас в том, что война может начаться в самом ближайшем будущем.

Вечером 21 июня моя двоюродная сестра Наталия Иосифовна Полевая отмечала свою помолвку с физиком Андреем Муриным. Засиделись допоздна. В два часа я пошел прогуляться по тихому теплоту Васильевскому острову. Поступок был крайне легкомысленным - на следующий день, 22 июня, предстоял предпоследний госэкзамен по истории средних веков. Я совершенно не был готов к экзамену. Решил рано встать и посмотреть билеты. В четыре часа лег. Проспал и проснулся от страшного гула самолетов. Невольно промелькнула в голове страшная мысль: «А может быть, это началась война?» Сразу же ее отбро-

ваюсь на группу моих сокурсников, которых только что выставили из читального зала - его спешно закрыли. Меня просят коротко рассказать, что говорил Молотов по радио. Иду на факультет, и мне опять меня просят повторить рассказ о выступлении Молотова. Дохожу до дверей аудитории, где идет экзамен. Снова повторяю свой рассказ. Студент Гербауз из аудитории выскакивает секретарь комиссии и гневно кричит: «Разве можно так хулиганить!». Ему объясняют, что это страшная правда. Тогда он задал вопрос: «А кто из вас слышал обращение Молотова?». Все указали на меня. Сразу же меня попросили войти в аудиторию и повторить мой рассказ. Потрясенный известием, председатель комиссии Кудрявцев (зналок истории Англии) горько громко воскликнул: «Я пережил три войны. Эту не переживу!». Так

страны в особом вагоне, о чем мне впоследствии рассказала Гуткина. Уже в 1944 г. я также узнал о выходе первого издания его двухтомника «Крымская война». Признаюсь, я не верил, что мне когда-либо удастся с ним встретиться. С весны 1942 г. я поступил на курсы младших лейтенантов Среднеазиатского военного округа в городе Анджане. В библиотеке курсов я в газетах постоянно встречал упоминания о Тарле. В июле я стал лейтенантом и был направлен на Северный Кавказ в Армавир. Но еще в дороге узнал, что Армавир заняли гитлеровцы. Доехали только до Грозного, где я получил свое первое назначение - в Беслан, где тогда формировалась 328 дивизия. Я был назначен командиром пулеметного взвода. Во взводе оказалось немало стариков - участники Брусиловского прорыва 1916 г. Признаюсь, мне, желторотому юнцу, стыдно было командовать такими опытными солдатами.

от чего я неизменно уклонялся, стараясь сохранить за собой относительную свободу. Я дружил с моими друзьями по военным курсам, которые нередко грубо нарушали дисциплину и самостоятельно покидали свою дивизию, пользуясь той неразберихой, которая царила в еще окончательно не сформированной дивизии. Мы полагали, что не сможем уцелеть в такой суровой войне, а поэтому старались уехать вперед с тем, чтобы где-нибудь власть покусить. Так я смог побывать в селении Казбеги, в древней столице Грузии — в Мхети — и даже однажды дерзнули на электричке проехать в Тбилиси. Чтобы не попасть в руки военного патруля, я почти весь день провёл в Тбилисской республиканской библиотеке, где меня очень хорошо приняли местные библиотечные работники, как только узнали, что я ленинградец. Поздно вечером того же дня я вернулся в Мхети, где и дождался при-

е при Свердловской консерватории, а потом и в доценте Уральского университета. Там мне подробно рассказали, как в Свердловске приезжал Тарле и читал лекции о международных отношениях.

Снова в Грозном, где я в аспирантуру кафедры истории нового времени истфака Ленинградского университета. Мне поручили организовать при кафедре большую выставку научных трудов Е. В. Тарле в связи с его семидесятилетием. У него на квартире я принял участие в отборе его трудов для выставки. Особенно меня поразило большое число переводов его «Наполеона» на самые разнообразные языки мира. В эти дни Игорь Грибальд писал его большой портрет, и он на своей машине помог эти книги перевести из квартиры Тарле на истфака. В эти же дни Евгений Викторович согласился стать моим аспирантским руководителем, чему я был рад несказанно.

В лектории истфака очень тепло прошло юбилейное заседание. Именно в эти дни Е. В. Тарле сфотографировался с членами нашей кафедры.

В начале февраля 1946 г. я смог приобрести хороший радиоприемник, и И. Г. Гуткина рассказала Евгению Викторовичу о том, что я по радио прослушал всю встречу с нас фултоновскую речь Уинстона Черчилля. Именно тогда Евгений Викторович обратился ко мне с необычной просьбой: ежедневно вечером полседьмого по телефону рассказывать о новейших известиях. Я согласился, хотя и понимал, что телефон Тарле безусловно прослушивался. Позже я понял, что Тарле явно находился под особым покровительством Сталина. Это хорошо знали сотрудники органов и сами явно боялись «хозяина», а потому до поры до времени эти телефонные разговоры с Тарле мне ничем не прозили. Сам Евгений Викторович очень нуждался в моей информации. В тот период он часто читал публичные лекции, на которые собирались толпы народа. Но он был весьма осторожен. Он никогда не озвучивал мою информацию. Но зная

Рисунок середины XIX века. Танцы в Петропавловске.